

ВСЕГДА УДИВЛЯЮЩИЙ ТАЛАНТ

Я имел счастливую возможность наблюдать необычайно увлекательную судьбу Михаила Ивановича Царева — этого всегда удивляющего большого актера, неутомимого организатора театра, талантливого общественного деятеля.

Впервые я познакомился с Михаилом Ивановичем на съемках фильма «Гроза», в тридцатые годы. Он играл Бориса, я — Кудряша. Мне понравился этот красивый, внутренне и внешне, молодой художник, обращали на себя внимание его романтическая взлетность, обаяние, безупречная мелодическая речь. Видел я его и на сцене театра Вс. Мейерхольда, где молодой Царев играл Армана Дювала в «Даме с камелиями»

А. Дюма-сына, Чацкого в «Горе от ума» — роли героинно-романтического репертуара. Нас подружила главным образом общность взглядов на актерский труд. С ним всегда было интересно говорить о нашей профессии, ее проблемах и традициях. А позже мы встретились в Малом театре, в одном коллективе.

Меня поражают его трудолюбие и гигантская трудоспособность. Он хорошо играл Протасова в «Живом труппе», Глумова в «На всякого мудреца довольно простоты», Жадова в «Доходном месте», позже — Арбенина в «Маскараде». Через всю его творческую жизнь прошел Чацкий, образ, заново воссоздававшийся в разных театрах и в разные годы. Царев был, казалось, создан для ролей такого репертуара. От него их ждали, не удивляясь успеху, привыкнув к тому, что этот успех непременно будет.

Но во время войны, в 1942 году, М. И. Царев неожиданно сыграл генерала Огнева в пьесе А. Корнейчука «Фронт» — характер сильный, социально глубокий, вовсе не похожий на то, что актер создавал

раньше. Зрители, критики, коллеги удивились, но вслед за тем «записали» за ним успех в ролях такого плана, особенно после успешного воплощения образов коммуниста Ромодана в «Крыльях» Корнейчука и Гарри Смита в «Русском вопросе» К. Симонова.

Прошло совсем немного времени, и внезапно обнаружилось

характерное дарование уже признанного в лирико- и социально-героических ролях артиста: он забываемо сыграл профессора Хиггинса в «Пигмалионе» Бернарда Шоу. Подлинным событием театральной жизни стал Вожан Царева в «Оптимистической трагедии».

Широкий исполнительский диапазон позволил артисту уже в самое последнее время создать психологически сложный, меньше всего от него ожидаемый образ Старика в одноименной горьковской пьесе, а вслед за тем — не менее многогранный образ Матиаса Клаузена в пьесе Г. Гауптмана «Перед заходом солнца». Зрители любят Царева и как великолепного чтеца, часто выступающего с литературными концертами.

Можно было бы благодарить художника за одно это — серию радостных для нас открытий. Но ведь рядом с его творческим трудом в театре, в кинематографе давно и непрерывно идет поистине огромная общественная работа: М. И. Царев — президент Национального центра Международного института театра, председатель правления Всероссийского театрального общества, директор

Малого театра СССР, профессор Театрального училища имени М. С. Щепкина. Весь этот комплекс сложных, ответственных дел он ведет строго, честно, без всякой внешней эффектности и ничего не перекладывая на чужие плечи. Я ни разу за многие годы нашего знакомства не слышал, чтобы этот человек пожаловался на усталость, на нездоровье даже тогда, когда посторонним взглядом видно, что он устал или нездоров. Его волю, организаторскую и творческую, можно ставить в пример людям любого возраста.

Народному артисту СССР Михаилу Ивановичу Цареву — семьдесят лет. Он достойно прошел через все трудные и опасные испытания актерского пути и дарит нам сегодня самое редкое и дорогое — уверенность в его новом творческом открытии. Я жду от него этих открытий. Жду, твердо зная, что они обязательно будут. И, уже привычные удивляться его работам, мы все же опять не сможем побороть благодарного удивления.

Михаил ЖАРОВ,
народный артист СССР